

Танцы про облака и пергамент

На Новой сцене Большого театра выступил модерн-балет из Голландии

Эта труппа возникла тридцать с лишним лет назад в небольшом городке Арнем, что на востоке Нидерландов. Ни о каком балете в те времена там понятия не имели. Именно поэтому театр назвали Introdans (введение в танец). Скромным просветительством дело не ограничилось. Простенькие балеты для неопитов сменились сложнейшими композициями лучших хореографов мира, а известность активно гастролирующего театра давно вышла за пределы Голландии. Танцоры из Арнема нередко выступают в недавно отстроенных зданиях, у нас они стали первыми иностранцами, освоившими Новую сцену Большого. На представлении присутствовала принцесса Нидерландов Маргрит. Визит в Москву Ее Королевское Высочество специально приурочила к гастролем любимой труппы.

Елена ГУБАЙДУЛЛИНА

Программу из четырех одноактных балетов назвали «Ангелы». Причем не только всерьез, но и в шутку. Небесные ангелы и земные грешники менялись местами и несколько сбивали напыщенную патетику философских хореоположен. Идеальные создания выглядели порой грубо и примитивно, а «простые смертные» оказывались впечатлительными и тонко чувствующими натурами. Так было в балете «Мессия», поставленном Эдом Вюббе на музыку одноименной оратории Генделя. Танцоры, затянутые в черное трико, кружились по сцене бесшумно и мягко. Руки «вылевали» пла-

ные танцевальные мелодии, тянулись ввысь и опадали в бесплотных и возвышенных дуэтах. А за прозрачным занавесом в глубине сцены возникали брутальные ангелы. Капли света падали на мускулы обнаженных торсов, взвивались широченные белесые юбки. Вместо танца — сплошные шаги. Что ж, ангелы — не люди, им можно и не танцевать.

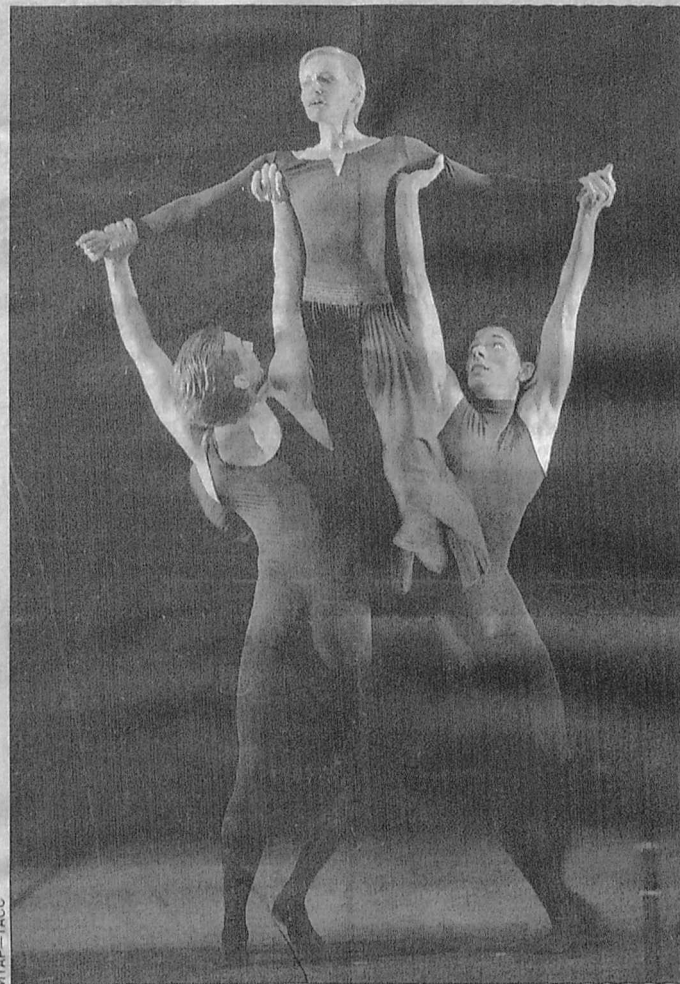
По мнению другого хореографа Introdans, Нилса Кристе, небесные жители прижимают деятельное участие в судьбах человечества. Под бесконечную кантатену вагнеровских «Пяти поэм» ангел, больше похожий на Творца, сводил и разводил людские пары, забирал кого-то в свои облачные выси и засыла-

лал новых участников монотонного и медлительного действия. Полуабстрактный балет податливо воспринял вполне конкретные идеи. В финале «Поэм» нарисованное на заднике грозное небо опустилось до самого пола, а танцоры склонились в скорбных молитвенных позах. Но ангел-поводырь исчез, и кажется, навсегда.

«Мессия» и «Пять поэм» казались обязательными уроками, отработанными точно и чисто. Была и смешная переменка — пятиминутное шоу для одного артиста Caught («Пойманный»). Американский хореограф Дэвид Парсонс придумал затейливый трюк, превративший танец в фрагментарную раскадровку. Куда бы ни ступил танцор Дарио Торторецци, он всегда оказывался в мощной вспышке света. Сачок из желтых лучей перемещался за мотыльком-танцором по всей сцене. А мельканья стробоскопа выхватывали из темноты многочисленные прыжки, пропуская приземления. Висеть в воздухе — чем не ангельское занятие?

Основная тема программы углублялась и в постановке основателя и руководителя Introdans Тона Витерса. Звучал

струнный септет голландского композитора-минималиста Симеона теи Холта «Палимпсест». Мудреным словом в древности называли особый пергамент, на котором ради новых записей счищали старый текст. Так и в музыке. Скрипки, альты и виолончели постоянно подхватывали «начала без намека на конец». На фоне ворчания остальных инструментов звучали то жалобные, то ехидные сольные реплики. А танцоры, поставленные в рамки одной темы и одной мелодии, выдавали бесчисленное количество вариаций. Игривый балет напомнил детскую считалку про охотника, желающего знать, где сидит фазан. Радуга разделилась на две половины — в красно-оранжево-желтое нарядились юноши, в фиолетово-сине-зеленое — девушки (художник Кесо Деккер). Краски, словно сбегавшие с палитры художника, забавно перепутали все мазки и линии. А в калейдоскопическую смену ракурсов сложной танцевальной партитуры непонятно как вписались подначки, дразнилки и перемигивания. Наконец-то мы узнали, какими бывают настоящие ангелы. Они разноцветные и веселые.

Они не ангелы, но что-то ангельское в них есть

ИТАР-ТАСС